

Лексикография сегодня и завтра:

The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future¹

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье отмечается, что традиционные лексикографические способы пополнения терминологии на русском языке путем калькирования, транслитерации и транскрибирования иноязычных терминов, в частности из английского языка, не работают в случае с переводом современных англоязычных многокомпонентных терминов, особенно из области цифровых технологий. Их также нельзя перевести дословно в виду их лингвоспецифичности. Современные корпусные исследования в области перевода показывают, что использование языка при переводе и в оригинальных текстах на этом языке значительно отличаются друг от друга на всех уровнях — лексическом, грамматическом и дискурсивном, что, кстати, пока еще не зафиксировано в двуязычных словарях, учебниках и пособиях. Причем в их переводе используются такие межъязыковые приемы перевода, как *добавление* необходимого по смыслу элемента, *элиминация* плеонастического элемента и *нормализация* выражения — подчинение его нормам языка перевода, а также то, что большинство из этих различий трактуется в настоящее время как переводческие универсалии: экспликация, симплификация и нормализация, которые предполагается использовать в новых цифровых словарях будущего.

Ключевые слова

Перевод, терминология, экспликация, элиминация, нормализация

Благодаря цифровым технологиям лексикография сегодня преобразуется из обычного раздела лингвистики в важнейшее самостоятельное научное направление и ис-

---

¹ Nielsen S. The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future // H. Jackson (Ed.). The Bloomsbury Companion to Lexicography. London/New York, 2013, p. 355—372. DOI:10.5040/9781472541871.ch-018

точник информации, в первую очередь, для цифровых ресурсов, инструментов, устройств, а также для научной и технической коммуникации.

Одной из наиболее животрепещущих проблем научного и технического перевода с одного языка на другой, достаточно отдаленный, тип языка, например, с русского языка на английский и обратно, долгое время выступали отмечаемые многими авторами заимствования иноязычных терминов путем *калькирования*, *транслитерации* и *транскрибирования*. В настоящее время они могут быть вполне приемлемыми в случае односложных, простых терминов. Если большое количество односложных терминов поддается калькированию, транслитерации и транскрибированию, имеет иноязычные эквиваленты и часто включено в специальные словари (ср. *computer*, *cursor*, *Windows* и мн. др.), то многокомпонентные термины часто вводятся впервые, их значение не всегда определяется однозначно из контекста, они часто переводятся различными вариантами, и с большим опозданием они попадают в отраслевые словари.

Современный научный язык, и особенно терминология, постоянно изменяются, пополняются новыми понятиями и терминами, развиваются и даже приобретают новые формы и виды. Современные цифровые технологии не только помогают создавать новые типы и виды словарей [Рябцева 2022], но и сами порождают беспрецедентное количество новых терминов, новые модели их построения, новые способы передачи их на иностранный язык и т.д. Причем цифровая терминология, ввиду своей инновационности, вызывает самые большие проблемы у электронных переводчиков (*YandexTranslate*, *GoogleTranslate*, *ABBYY*, *DeepL* и др.), которые еще не отказались от пословного перевода. Соответственно, знаменитая цитата, вынесенная в заглавие, это название статьи известного лексикографа, Sandro Nielsen, опубликованная в книге «The Bloomsbury Companion to Lexicography» (H. Jackson (Ed.), London/New York, 2013, с. 355—372). В ней показано, что современная лексикография превращается из описательной лексикографии на бумажном носителе в электронную и на ее основе создаются лексикографические службы, ассистенты, тьюторы и т.д. Так, Howard Jackson в своем предисловии к [Jackson 2013]

подчеркивает, что лексикография как самостоятельная лингвистическая деятельность по своей сути может быть отнесена к типу «branch of reference science» или даже к «information science». Лексикографическая деятельность включает множество разнообразных аспектов и типов работы, в частности, историю словарей, их типологию, принципы составления, структуру и содержание, а также применение новых стратегий в образовании, межъязыковой коммуникации, развитие e-lexicography, поэтому она превращается в автономное и весьма значимое экстралингвистическое направление.

Цифровые технологии ставят перед современной лексикографией всех типов и видов принципиально новые проблемы, такие как использование корпусных данных и других цифровых инструментов (например, word sketches [Kilgarriff et al. 2004; Rundell, Kilgarriff 2011]), придание лексикографическим продуктам цифровой формы — превращение их в e-lexicography [Fuertes-Olivera 2016], превращение обычных словарей в цифровые ассистенты для письма и речи на родном и иностранном языке [Nielsen 2013]. Так, уже в настоящее время словарное дело из производства и издания словарей превращается в специальные лексикографические информационные службы и порталы, которые приобретают совершенно новые черты. В первую очередь это ориентация на определенного пользователя и потому на информационное общество, основанное на знании. Они превращаются в информационные инструменты, которые обеспечивают индивидуальную поддержку различным группам пользователей, нуждающимся в лексикографически значимой, направленной именно им информации (lexicographically relevant data) и обеспечивают ее персонализацию и ее динамическое взаимодействие на поверхностном и глубинном уровне.

Вышеизложенное не значит, что уже завтра у нас появятся принципиально новые цифровые лексикографические продукты и службы, но уже сегодня для этого много делается [Tarp 2022]. У цифровых лексикографических служб пока еще множество проблем, в частности, неудовлетворительная работа лексикографической базы данных, что объясняется низким качеством лексикографического описания, в особенности много-

значной лексики [Hanks, Schryver 2016; Hanks 2020], словосочетаний, идиоматических оборотов и т.п. [Huang, Tarp 2021, 77]. Сложным и нетривиальным вопросом для современных цифровых помощников является передача лексикографической информации вообще и аналогичная информация о разного рода словосочетаниях, особенно терминологических, для которых еще не выработан последовательный и дружественный алгоритм описания и формальные модели их перевода; см. примеры: *in a (basically) technology-driven way, customisable web-based tool, web-based dictionary management system for bilingual dictionaries* и т.д., ср. «A low database quality is originating from a poor compilation or storage of the lexicographic data» [Huang Tarp, 2021, 77—78].

Особое внимание уделяется одной из наиболее остро стоящих терминологических проблем — переводу на родной язык и с родного языка многокомпонентных терминов, которые все более активно появляются во всех отраслях знаний, в первую очередь, в английской языке в области цифровых технологий и составляют в нем более 75 % от всей терминологии [Пегов 2017]. Их важнейшей чертой является структурная усложненность, идиоматичность и лингвоспецифичность, и потому в большинстве случаев невозможность их пословного перевода, который используется в современных автоматических переводчиках с родного, английского языка на любой другой национальный, ср. неудачный (выделенный меткой «неправильно» — астериском) перевод:

a usage-based grammar ‘*грамматика на основе использования’ (DeepL);

emergence in usage-based grammar ‘*появление в грамматике, основанной на использовании’ (DeepL);

a novel web-based method for running online questionnaires — ‘новое решение..., *основанное на использовании интернета’ (YandexTranslate).

Так, незамысловатое (с точки зрения английского языка) терминологическое словосочетание типа *corpus-based study* в автоматическом переводчике DeepL преобразуется в следующие громоздкие нетерминологические варианты: ?‘исследование *на основе* корпуса’, ?‘исследование, *основанное на* корпусе’ и ?‘исследование *на базе* корпуса’. Важ-

но, что многокомпонентные структурно усложненные с точки зрения русского языка термины типа *a corpus-based study*, *a usage-based grammar*, *a usage-based nature* и т. п. используются в английском языке не только в соответствующих специальных текстах, чаще всего междисциплинарных, но и в аннотациях к ним, а также в главном их метакомпоненте — в названиях научных публикаций, выражая в них основное содержание. См. выделенные полужирным шрифтом конструкции:

1. Van Oost A., Willems A., De Sutter. Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: *A corpus-based study* of the interaction between normalisation and shining through // International Journal of Translation. № 28(1). 2016. P. 25.

2. Jonathan D. Exposure and emergence in *usage-based* grammar: computational experiments in 35 languages // Cognitive Linguistics. vol. 33. №. 4. 2022. Pp. 659 — 699. // <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0106>.

3. Stoet G. PsyToolkit: A novel *web-based* method for running online questionnaires and reaction-time experiments // Teaching of Psychology. № 44(1). 2017. P. 31.

4. Barking M., Backus A., Mos M. Individual corpus data predict variation in judgments: testing the *usage-based nature of mental representations* in a language transfer setting // Cognitive Linguistics. vol. 33. № 3. 2022. 481 — 519. // <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0105>.

Так, в статье (4) «Individual corpus data predict variation in judgments: testing the *usage-based nature of mental representations in a language transfer setting*» использованы, в частности, еще и следующие термины, легко включающие в свой состав дополнительные терминологические компоненты, отсутствующие в автоматическом словаре или переводимые компьютерными переводчиками неправильно: *needs-adapted data presentation* (using principles for making dictionaries that provide users with limited amounts of structured data from which useful information can be retrieved); *a commercially driven language tool* (that uses a language module based on statistics and is in the process of using Artificial Intelligence (AI) technologies) и другие, которые в компьютерном переводе плохо читаются.

Точно так же в статьях (1) — (3) (а также во множестве других) встречаются аналогичные модели, которые: 1) не могут быть переведены пословно, 2) нуждаются в установлении специальных формул их перевода, 3) нуждаются в приведении в соответствие с нормами языка перевода. Следует иметь в виду важное явление, которое нигде не отмечено явным образом, о том, что типологические различия между русским и английским языком проявляются, в частности, в гораздо более активно развитой системе деривации (и соответствующих значений) в русском языке, чем в английском, в том числе в виде адъективной и субстантивной деривации.

Следовательно, мнение о том, что при переводе на русский язык с английского текст перевода может оказаться длиннее, чем оригинал, представляется не совсем точным. Между тем в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что в русском языке чрезвычайно развито словообразование, которое способно выразить различные полноточные смыслы и идеи. Ср. приводимые в книге [Шмелев, 1982, 277] примеры типа *теплоизоляция*, *радиоприемник*, *телеприставка* и многие другие (ср. *словосложение*). Так, производные прилагательные и существительные в русском языке способны выражать весьма объемные смыслы. В английском языке адъективное и субстантивное словообразование гораздо беднее, и потому в нем приходится выражать вспомогательные, уточняющие смыслы полноточными лексемами.

Приведём примеры цифровых многокомпонентных терминов на английском языке из публикаций (1) — (3) и их корректный перевод:

context-adapted analysis ‘контекстуальный анализ’;

computer-based training ‘компьютерное обучение’;

usage-based assertion ‘практическое утверждение»’;

in line with a usage-based assumption ‘в соответствии с **практическим** предположением’;

usage-based predictions (do not explain all of the variation) ‘практические предположения (не объясняют все разнообразие выражения смысла)’;

(fundamental) assumptions in usage-based approaches (to language) ‘(исходные) предположения относительно **практического** подхода (к языку)’;

usage-based nature (of mental representations) ‘**практические** принципы (выражения ментальных репрезентаций)’;

revealing usage-based variation ‘установление вариаций в **употреблении**’;

a novel web-based method for running online questionnaires ‘новый интернет-метод проведения **онлайн**-опросов’;

the item-based nature (of children’s early syntactic development) ‘принцип **ориентации на** образец (при раннем усвоении синтаксиса родного языка детьми)’;

corpus-driven approaches ‘**корпусные** методы’;

a construction-based approach to language ‘**конструкционный** подход к языку’;

L2-induced changes in the L1 (of Germans) ‘**влияние** второго языка (английского) на первый (немецкий)’.

Приведенные реальные примеры из современных публикаций на тему автоматической обработки текстов на естественном языке (Natural Language Processing — NLP) ярко демонстрируют асимметрию англо-русских терминологических и словообразовательных явлений. Отсюда следует необходимость обучения систем автоматического перевода распознаванию идиоматичности многокомпонентных словосочетаний, необходимость разработки моделей перевода современных многокомпонентных лингвоспецифичных терминологических словосочетаний с английского языка на русский и принципов перевода терминологии с русского языка на английский. Кроме того, на повестке дня также более оперативное включение соответствующих актуальных явлений в автоматические системы перевода, письма, устной речи и т.д., ср. распространенный на английском языке тип названия: Mend H., Amiri M. *Example-based Machine Translation from English to Farsi with the help of Word Net Ontology* // Indian Journal of Science and Technology. 2015. № 8(11), 1—6.

Современный научный и технический английский язык активно пополняется за счет новых эффективных широко распространенных словообразовательных и синтаксических моделей. Способы их перевода с английского языка могут быть различными. Так, терминология цифровых технологий значительно отличается от других терминосистем целым комплексом свойств. Главное из них это ее аутентичность (идиоматичность и фразеологичность для носителей других языков). Соответственно, современные специалисты в области перевода предлагают считать наиболее продуктивными способами передачи на другой язык многокомпонентных терминов такие варианты непереводаемых дословно англоязычных словосочетаний, как *добавление* необходимого по смыслу (в данном языке) элемента, *элиминация* плеонастического элемента и '*нормализация* выражения' (поиск естественного звучания для выражения заданного смысла на другом языке) [Baker 1993; Lefter 2012; Cappelle, Loock 2013; Van Oost et al. 2016].

Приведем примеры и их перевод на русский язык:

corpus-driven lexicography '**корпусная** лексикография';

web-based (lexicographic) tool '(лексикографический) **веб-инструмент**';

computer-supported collaborative writing 'корпоративное письмо **при поддержке цифрового устройства**';

meaning-oriented classification of collocations '**семантическая** классификация словосочетаний';

discipline-specific corpora '**дисциплинарные** корпуса'.

Многословные и сложно устроенные терминологические конструкции, особенно инновационные, требуют тщательного поиска их иноязычного эквивалента или создания переводного соответствия, которое будет точно передавать его смысл и будет достаточно простым и удобным в обращении. Примерами могут служить такие усложненные с точки зрения русского языка английские специальные понятия, как *a human-centered design and terminology, computer-mediated communication discourse; mobile-assisted language learning* [Loewen et al. 2019]. (Cf. «Contemporary terminological resources have considerable im-

portance for translators... Unfortunately, these resources are frequently of poor quality» [Durán-Muñoz 2010, 55; Kim et al. 2022]; «Some projects mainly re-use already existing lexicographic data *in a basically technology-driven* way, without explicitly applying any specific lexicographic approach» [Tarp et al. 2017, 495]).

В подтверждение высказанных соображений следует отметить, что в 1993 г., т.е. с начала корпусных исследований в области перевода, зарубежными учеными было установлено, во-первых, что перевод всегда отличается **лексически, грамматически и дискурсивно** от оригинала («Many corpus-based translation scholars have shown that language use in translated and non-translated texts differs considerably on all linguistic levels — lexical, grammatical, discursive» [Baker 1993; Van Oost et al. 2016, 7]. Большинство из этих различий трактуется в настоящее время как переводческие универсалии (Most of these differences were interpreted as direct evidence for one or more so-called translation universals, such as explicitation, simplification and normalisation [Baker 1993, Baker 1996]. For instance [Olohan, Baker 2000], consider the higher frequency of explicit complementiser *that* in translated English (compared to non-translated English) as an indicator of the explicitation universal). Напомним также, что межъязыковые эквиваленты делятся, соответственно, на три вида и, как уже указывалось, к ним относятся экспликация, упрощение и нормализация конструкции (приведение ее в соответствие с нормами языка перевода), ср. explicitation, simplification and normalisation [Baker 1996].

Большинство переводчиков обращало внимание на то, что при переводе с английского языка на русский приходится добавлять намного больше слов и элементов (например, предлогов), чем при обратном переводе. Так, в словаре С.В. Пегова по атомной энергетике содержится множество подобных примеров, ср. *pebble bed* ‘активная зона с шарообразными топливными элементами’ (где *pebble* ‘гранулированное топливо’), *wet-autoclaved* ‘автоклавированный **во** влажной **атмосфере**’ [Пегов 2017, 33]. В результате термины атомной энергетике и других областей на английском языке в большом количестве случаев оказываются более компактными и свернутыми, чем их русские соответ-

ствия и приобретают свойство устойчивого словесного комплекса; ср. *safety injection* ‘впрыск раствора борной кислоты’, *auxiliary system* ‘система собственных нужд’. Аналогичные случаи можно наблюдать и в других терминосистемах. При переводе терминологических словосочетаний с английского языка на русский приходится добавлять и эксплицитировать значительное количество полных слов, необходимых по смыслу. Это, в свою очередь, может снижать терминологическое значение выражения по-русски и может потребовать поиска или создания более компактного термина. Так, приводимые ниже аутентичные примеры из современных публикаций по корпусной лингвистике показывают, насколько неудачен их компьютерный перевод, и насколько профессиональным должен быть их точный и корректный перевод на русский язык. Например:

lexicography-assisted writing **письмо с помощью лексикографии* vs ‘лексикографически *поддержанное* письмо’;

goal-oriented language courseware design — *целеустремленный дизайн языкового курса vs ‘*тематический план содержания языкового курса*’.

Аналогичная картина наблюдается при переводе с английского языка и в других предметных областях, см. неудачный перевод терминов менеджмента:

employee-centered manager ??? *руководитель, сосредоточенный на человеке* vs. ‘менеджер по персоналу’.

Следует подчеркнуть, что современные терминологические службы даже в современном цифровом формате не успевают фиксировать новую терминологию, ср. «Постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реального технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию приходить в соответствие с материальным прогрессом, но, во-первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а, во-вторых, сам способ достижения этого соответствия обычно выдает себя» [Шмелев 1982, 32].

В заключение следует отметить, что современные международные достижения в цифровой лексикографии в настоящее время настраиваются на принципиально новый

подход к переводу специальных текстов. Он связан, во-первых, с использованием нейронных сетей, и, во-вторых, с развитием и внедрением в компьютерную лексикографию экстралингвистической энциклопедической информации (см., например, [Simonsen 2020; Fuertes-Olivera 2022; Рябцева 2023]). Современная лексикография постепенно преобразуется в коммерческую деятельность, в том числе создает многоязычные, разносторонние и интегрированные порталы, разрабатывает новые приложения ИИ, такие как «Artificial Lexicographer», утверждает единство знаний, которыми владеет человек, обеспечивая неразрывную связь между практической, лингвистической и энциклопедической информацией, которую следует включать во все виды словарей, предназначенных как для человека, так и для систем искусственного интеллекта. Нельзя также забывать, что для перевода современной научной терминологии с английского языка на русский, особенно в области цифровых технологий, как подчеркивают переводчики, необходимы профессиональные энциклопедические знания и относительно цифровых технологий, и относительно особенностей перевода устойчивых развернутых терминологических фразеологизированных оборотов, конструкций и выражений. Более того, необходимо также знать правила их развертывания, модификации и варьирования в обоих языках.

Литература

Пегов С. В. Терминологическая система атомной энергетики (на материале английского языка). Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Тверь, 2018.

Рябцева Н. К. Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 6. С. 123—139. ISSN 2227-1295. (Riabtseva, N. K. (2022). Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective. Nauchnyi dialog, 11(6): 12.) ISSN 2225-756X (Print) ISSN 2227-1295 (Online) // <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3958>. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139.

Рябцева Н. К. «Дополненная лингвистическая реальность» и современная терминология: межъязыковой аспект // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре

романских языков им. В.Г. Гака. Т. 8. Сборник статей по итогам VIII международной конференции (20—24 марта 2023 года). М.: Издательство «Спутник +», 2023 (в печати).

Шмелев Д. Н. (отв. ред.) Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.

Baker M. Corpus linguistics and translation studies: implications and applications // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (Eds.). Text and Technology: in Honour of John Sinclair Amsterdam: Benjamins, 1993. Pp. 17—45.

Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead // H. Somers (Ed.). Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager. Amsterdam: Benjamins, 1996. Pp. 175—186.

Cappelle B., Loock R. Is there interference of usage constraints? A frequency study of existential *there* and its French equivalent *il y a* in translated vs. non-translated texts // Target. № 25(2), 2013. Pp. 252—275.

Fuertes-Olivera P. A. A Cambrian Explosion in Lexicography: Some Reflections for Designing and Constructing Specialised Online Dictionaries // International Journal of Lexicography. № 29(2), 2016. Pp. 226—247.

Fuertes-Olivera P. A., Esandi-Baztan M. Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the *Diccionarios Valladolid-Uva*. Lexikos. № 30(1). 2020. Pp. 90—110. DOI: <https://doi.org/10.5788/30-1-1598>.

Fuertes-Olivera P. A., Tarp S. Fourth Industrial Revolution. A window to the future: Proposal for a lexicography-assisted writing assistant // Lexicographica. 2020. Pp. 257—286. DOI: <https://doi.org/10.1515/lex-2020-0014>.

Fuertes-Olivera P. The Mental Lexicon in Lexicography: The *Diccionarios Valladolid-Uva*. Lexikos. 2022. № 32. Pp. 118—140. DOI: [10.5788/32-1-1712](https://doi.org/10.5788/32-1-1712).

Jonathan D. Exposure and emergence in usage-based grammar: computational experiments in 35 languages // Cognitive Linguistics. vol. 33, № 4, 2022. Pp. 659—699/ DOI: <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0106>.

Hanks P. *Lexical Analysis: Norms and Exploitations*. Cambridge, Mass./London: MIT Press, 2013.

Hanks P. *English Dictionaries and Corpus Linguistics. The Cambridge Companion to English Dictionaries*, 2020.

Hanks P., Schryver G-M. (Eds). *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography*. Springer Berlin, 2016.

Huang F., Tarp S. Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement // *Lexikos*. № 6 (31), 2021. Pp. 68—92. DOI: <http://doi.org/10.5788/31-1-1626>.

Stoet G. PsyToolkit: A novel *web-based method* for running online questionnaires and reaction-time experiments // *Teaching of Psychology*. № 44(1). 2017. Pp. 24—31.

Loewen S., Crowther D., Isbell D. R., Kim K. M., Maloney J., Miller Z. F., Rawal H. Mobile-Assisted Language Learning: A Duolingo Case Study // *ReCALL*. № 31(3). 2019. Pp. 293—311.

Kilgarriff A, Rychlý P., Smrž, P., Tugwell D. The Sketch Engine // *Information Technology*, 2004. Pp. 105—115.

Kim H., Chen Y., Liu X. Bilingual processing of verbal and constructional information in English dative constructions: effects of cross-linguistic influence // *Cognitive Linguistics*. vol. 33. №. 4. 2022. Pp. 701—726. DOI: <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0122>.

Lefer M.-A. Word-formation in translated language: The impact of language-pair specific features and genre variation // *Across languages and cultures*. № 13(2), 2012. Pp. 145—172.

Nielsen S. The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future // Jackson H. (Ed.). *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. London/New York, 2013. Pp. 355—372. DOI:10.5040/9781472541871.ch-018.

Olohan M., Baker M. Reporting *that* in translated English: Evidence for sub conscious processes of explicitation? // *Across languages and cultures*. № 1(2), 2000. Pp. 141—158.

Rundell M., Kilgarriff A. Automating the Creation of Dictionaries: Where Will It All End? // Meunier F., de Cock S., Gilquin G., Paquot M. (Eds.). *A Taste for Corpora. In Honour of Sylviane Granger*. Amsterdam/ Philadelphia, John Benjamins, 2011. Pp. 257—282.

Tarp S. Connecting the Dots: Tradition and Disruption in Lexicography // *Lexikos*. № 29, 2019. Pp. 224—249.

Tarp S., Fisker K., Sepstrup P. L2 Writing Assistants and Context-Aware Dictionaries: New Challenges to Lexicography. *Lexikos*. № 27, 2017. Pp. 494—521.

Tarp S. Turning Bilingual Lexicography Upside Down: Improving Quality and Productivity with New Methods and Technology // *Lexikos*. № 32, 2022. Pp. 66—87.

Van Oost A., Willems A, De Sutter. Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: A corpus-based study of the interaction between normalisation and shining through // *International Journal of Translation*. № 28(1), 2016. Pp. 7—25.

Lexicography today and tomorrow:

«The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future»

Nadezhda Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper shows that traditional ways of introducing new lexicographic items into the terminology of Russian, such as calquing (literal translation), transliteration and transcription from a foreign language, cannot be used in translating contemporary English extended digital terminology. New items cannot be rendered word by word because of their language-specific character. Contemporary corpus-based translation studies reveal that language use in translated and non-translated texts differs considerably on all linguistic levels — lexical, grammatical, and discursive, and these phenomena are not lexicographically fixed yet. Most of these differences were interpreted as direct evidence for the so-called translation universals, such as *explicitation*, *simplification and normalization*, that are supposed to be incorporated into the future digital lexicographic products.

Key words: translation, terminology, explicitation, simplification, normalization.